

ВКЛЮЧЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

В. А. Шилова^а, К. Э. Гусейнова^а

^а Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье рассматривается включенность населения в реализацию национальных проектов как один из факторов, детерминирующих социальное территориальное неравенство в регионах России. Каждый субъект анализируется в качестве отдельного социального пространства, акторами (участниками) которого выступают органы власти и население. Рассмотрены подходы как отечественных, так и зарубежных авторов к пониманию сущности социального пространства, его возможностей и ограничений.

Методология и методы. Материалы, представленные в статье, были получены в результате вторичной концептуализации данных массового опроса, проведенного в 2019-2021 гг. в 12 регионах РФ по гранту РНФ «Академический проект: управляемость процессов социального группирования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года». В качестве основы методологии исследования была взята типология регионов по уровню их социокультурной модернизации, разработанной в Китайской академии наук и адаптированной ЦИСИ ИФ РАН. В статье предложено рассмотрение оценки включенности населения в национальные проекты (как фактора регионального неравенства): 1) в разрезе социально-демографических характеристик респондентов; 2) обеспокоенности недостатками системы управления и 3) удовлетворенности жизнью в регионе.

Результаты и выводы. Исследование проводилось в 3 этапа. На первом были установлены социально-демографические характеристики социальных групп, выражающих желание либо нежелание принять участие в разработке стратегических программ. Обнаружена связь между готовностью к участию и 1) возрастом, 2) образованием, 3) характером трудовой деятельности, 4) уровнем социокультурного развития региона, в котором проживает респондент. На втором этапе была произведена группировка недостатков системы управления на основе данных массового опроса. Выявив признаки, вызывающие наименьшее и наибольшее беспокойство у населения, авторы перешли к анализу средних оценок для четырех выделенных групп, выразивших полное/частичное согласие или несогласие принять участие в национальных проектах. В результате была установлена связь между беспокойством жителей относительно недостатков системы управления и готовностью к участию в нацпроектах. При этом наибольшая сензитивность наблюдается в оценках проблем, связанных с коррупцией в органах власти. На третьем этапе были подтверждены данные о существовании связи между обеспокоенностью населения, вызванной наличием коррупционных проблем, и низкой удовлетворенностью от проживания в том или ином регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное неравенство, социальное пространство, включенность, субъектность, регионы, человеческий капитал, национальные проекты.

© В. А. Шилова, К. Э. Гусейнова, 2023

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шилова В. А., Гусейнова К. Э. Включенность населения в социальное пространство управления регионов как фактор территориального неравенства // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 6. С. 84-98. EDN XWRNRQ. DOI 10.22394/2304-3369-2023-6-84-98.

■ ВВЕДЕНИЕ

Социальное неравенство регионов – дискурс, который не перестает быть актуальным в научной среде. В отечественной социологической науке существует множество исследований, объясняющих наличие социального неравенства территорий. Подтверждением этого выступают особенности самих регионов – географические, климатические, исторические, социокультурные, экономические и проч. Тема социального неравенства также достаточно болезненно воспринимается в общественном сознании, поскольку затрагивает значительную часть населения страны и ее регионов.

Потенциалом для развития региона может выступать множество факторов, обуславливающих наличие либо отсутствие разного вида капиталов. Эти же факторы детерминируют социальное неравенство территорий. Так, например, в своей статье Шилова В. А. [1, с. 100–104] подробно описывает 5 групп факторов, относящихся к показателям: 1) нерукотворной среды (географические, климатические условия), 2) рукотворной среды (различные предприятия и объекты инфраструктуры), 3) социальных систем, 4) состава населения (антропологические характеристики), 5) информационной среды с учетом культурных особенностей.

Однако помимо социально-экономических параметров для более полного анализа социального неравенства территорий необходимо также обратить внимание на социокультурные параметры [2], одним из факторов которых является человеческий капитал.

Еще в начале XXI века различные социальные ученые пришли к выводу о том, что изучение существующих социальных неравенств невозможно без выявления реальных социальных групп, обладающих различными благами (капиталами)¹. К числу последних можно отнести человеческий капитал, экономические, социальные и политические ресурсы, а также ряд благ, связанных с культурой и престижем [3, с. 13]. Обладание подобными ресурсами наделяет акторов (участников) возможностями формировать

и изменять социальное пространство. В данной статье мы будем рассматривать регионы как отдельные социальные пространства, в которых население и органы власти представляются активными акторами.

Известный классик социологии П. А. Сорокин рассматривал социальное пространство как физическую категорию. При этом он отмечал, что положение индивидов и групп, входящих в пространство, отражает поле их социального взаимодействия [4] и должно интерпретироваться посредством таких понятий, как социальная стратификация, социальная мобильность, и др. Находясь в постоянном взаимодействии друг с другом, социальные группы также являются частью более широких общностей, которые, по мнению автора, представляют собой их социальное пространство².

И. Гофман рассматривает социальное пространство как «социальное образование», устанавливая, тем самым, границы его существования [5]. Организация, управление и границы такого пространства зависят от взаимного восприятия его участников [6], препятствием для которого может стать дисфункциональность органов власти, усиливающая имеющееся социальное неравенство. Согласно теории И. Гофмана, будучи одним из акторов социального пространства, властные структуры направляют свою деятельность на создание благоприятного впечатления, соответствующего социальным нормам и стандартам. Для поддержания собственных позиций они создают публичный внешний образ, который не всегда однозначно воспринимается населением. Энтони Гидденс сделал важное замечание, касающееся данной проблемы. Самопрезентация органов власти в социальном пространстве регионов используется как инструмент «рефлексивно используемый влиятельными и не очень индивидами для обеспечения и поддержания психологической дистанции между их собственными взглядами на социальные

¹ Grusky D. B. (ed.) *Social stratification: class, race and gender in sociological perspective*. Boulder, CO: Westview Press, 2001.

² Пространство и время социальных изменений : Курс лекций в цикле социологических дисциплин для студентов, магистров, аспирантов и преподавателей специальностей 350100, 530500, 521100, 230500, 061100, 020600 / В. Н. Ярская, Л. С. Яковлев, В. В. Печенкин, О. Н. Ежов. Саратов : Издательство «Научная книга», 2004. 280 с. EDN ТВВТҮҒ.

процессы и теми трактовками, которые встречаются в официальных нормах» [7]. Из чего можем предположить, что попытки органов власти удерживать свои позиции могут привести к еще большей социальной дистанции.

Помимо традиционных деятельностных субъект-объектных отношений, отвечающих за достижение конкретных результатов, основу системы социального управления, в отличие от властного, иерархического типа, составляют субъект-субъектные, т.е. системные отношения между всеми участниками. При первом типе отношений конечный результат достигается путем воздействия на объект сверху-вниз, в то время как второй тип отношений носит системный характер, оказывая внешнее воздействие на социальное пространство посредством проектирования и регулирования социальных связей [8, с. 135; 10], с помощью чего удастся сохранить целостность и уникальность пространства.

Именно такие искусственно созданные формы коммуникации регулируют общественные явления и процессы, не деформируя при этом социальную реальность [9]. Субъект-субъектный тип управления характеризует тип выстроенных между властью и обществом отношений. Деятельность различных социальных групп, обладающих рядом социокультурных признаков и включенных в то или иное проблемное поле, может оказывать определенное воздействие на результат работы органов власти.

Необходимость решения конкретного вопроса вынуждает участников социального пространства объединяться друг с другом, проявляя тем самым свою субъектность [10]. При этом у участников могут наблюдаться схожие ценности, интересы, отношения, выступающие неким драйвером в решении возникающих проблем и стратегическом планировании будущего. Таким образом, происходит явление, которое А.В. Тихонов называл «социальным телом проблемы» [9].

П. А. Сорокин также обращал внимание на неоднородность и многомерность социального пространства. Вследствие чего индивиды, обладающие схожими или одинаковыми социальными статусами, имеют более тесные связи друг с другом. При этом объем и качество имеющихся у акторов капиталов будет определять дистанцию между ними. Такой аспект он называл статическим.

Социальный эффект от принятия тех или иных управленческих решений проявляется в

реакции различных общностей и групп во внешней среде. Прозрачность в принятии таких решений, а также качественная обратная связь между властью и населением будет способствовать росту готовности жителей принять участие в жизни региона. Данное утверждение подтверждается множеством примеров, когда люди, недовольные результатом решения тех или иных проблем, выходят на митинги, собирают подписи, пытаются любым способом повлиять на результат. В качестве примера можно привести забастовки рабочих, фельдшеров и проч., жалующихся на задержки с выплатой заработных плат или низкую оплату труда, митинги жителей против вырубки лесов, строительства мусоросжигательных заводов и полигонов, акции в поддержку политических заключенных и проч. На этом основании можно сделать предположение о том, что включенность населения является следствием проявления субъектности. Соответственно, чем выше недовольство властью и ниже удовлетворенность жизнью, тем выше вероятность получения ответной реакции от населения.

Так, включенность населения может проявляться в готовности принять участие в реализации национальных проектов, поскольку они обладают большим социальным эффектом. Для более подробного анализа такой готовности необходимо узнать, какие чувства испытывает человек, проживая на той или иной территории, а также какие недостатки системы управления беспокоят его больше всего.

■ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса, проведенного в 2019-2021 гг. Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН в рамках реализации проекта РФ «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

Опрос с использованием самозаполняемой анкеты проводился в 12 регионах Российской Федерации, а именно: в трех республиках и девяти областях. Исследование проводилось в два этапа, объем финальной выборки составил 6000 анкет (по 500 в каждом регионе) [11].

Регионы были выбраны неслучайно, каждый из них имеет определенный уровень социокультурной модернизации: низкий (Республика Калмыкия, Смоленская область, Брянская область), ниже среднего (Вологодская область, Амурская область, Белгородская область), средний (Омская область, Республика Башкортостан и Республика Саха (Якутия) и высокий (Московская область, Нижегородская область, Свердловская область). Данная градация является адаптированной типологией социокультурного развития по версии ЦИСИ ИФ РАН [12].

В книге под названием «Социальная структура провинциального общества» авторами утверждается мысль о том, что каждое сообщество имеет физическую репрезентацию и представляет собой совокупность человеческой активности, которая раскрывается через такие понятия, как «обитание», «бытование», «хозяйствование»³. Таким образом, авторы формируют структуру провинциальных российских сообществ, утверждая при этом, что экономическая стратификация (в нашем случае – социоэкономический подход) значительно уступает социокультурному подходу в оценке качества социальных отношений внутри социального пространства, которое также определяется территориальной структурой.

Взяв за основу трехкомпонентную модель социальной структуры, описанной выше, мы попытались отобрать три соответствующих параметра для оценки включенности населения в реализацию мероприятий в рамках национальных проектов: 1) готовность принять участие в разработке программ по улучшению работы системы управления, 2) обеспокоенность недостатками системы управления, 3) удовлетворенность жизнью в регионе. Перечисленные параметры, по мнению авторов, способны напрямую или косвенно детерминировать социальное неравенство регионов [13]. Стратегическое развитие страны невозможно без учета потенциала, жизненных стратегий, шансов и рисков различных социальных групп, проживающих на данной территории. Соответствующие ресурсы «во многом определяют и «коридор возможностей» для различных сценариев будущего страны, влияя на готовность и возможности

разных социальных групп поддержать тот или иной вектор развития, включаясь в инициативы, предлагаемые государством» [14, с. 12].

Готовность населения брать на себя ответственность, осознавать потребности, выражать позиции, рационализировать свои действия – все это говорит об увеличении значимости индивидуальных интересов [15] в современном обществе. Включенность населения указывает на его активную роль в социальном пространстве, в отношениях с властью и друг с другом. Субъектность подобного рода может оказывать влияние на «коридор возможностей» в стратегии развития региона. Особенно, если деятельность органов власти и управления, направленная на нивелирование наиболее острых социальных проблем, не справляется с поставленной задачей, по мнению активных социальных групп. Малоэффективные управленческие решения, осуществляемые в некоторых регионах России, могут способствовать более глубокому социальному расслоению с одной стороны и более высокой степени готовности населения проявить свою социальную роль. При этом реакция, полученная от населения, во многом будет зависеть от уровня удовлетворенности проживанием на данной территории и существующих проблем в системе управления, препятствующих развитию социальной справедливости в обществе [16].

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Готовность принять участие в реализации программ по улучшению работы системы управления. Для оценки первого параметра мы обратились к результатам массового опроса, согласно которым на вопрос «Согласитесь ли Вы принять участие в реализации программы улучшения работы отечественной системы управления?» более половины респондентов – 50,6% – ответили отказом, согласились 11,8%.

Для более детального анализа было решено определить социально-демографические характеристики социальных групп, выражающих желание и нежелание принять участие в реализации стратегических программ. Перед авторами стоял вопрос, с чем может быть связано нежелание респондентов участвовать в национальных проектах. На рисунках 1-4 представлены сравнительные данные готовности участия в зависимости от пола, возраста, образования и трудовой при-

³ Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. Москва : Common Place ; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с.

надлежасти. Наше предположение о наличии связи между данными показателями частично подтвердилось (для проверки данных, представленных на рис. 1–4, использовался критерий хи-квадрат при уровне значимости $p < 0,05$).

Согласно рисунку 1, не наблюдается значимой тенденции – мужчины и женщины, с учетом статистической погрешности, примерно в равной степени проявляют готовность принимать активное, менее активное, неактивное или не принимать участие в реализации национальных проектов.

При анализе готовности респондентов к социальному участию в разрезе возрастных групп наблюдается определенная закономерность, согласно которой мы можем сделать вывод о том, что возраст связан с готовностью населения принимать участие в реализации национальных проектов (рис. 2). Люди среднего возраста в незначительной степени чаще выражают согласие (как полное, так и частичное) принять участие в реализации стратегических региональных программ. Аналогичная тенденция просматривается в готовности участвовать среди респондентов возрастной группы от 18 до 29 лет. В возрастной группе от 50 лет и старше, наоборот,

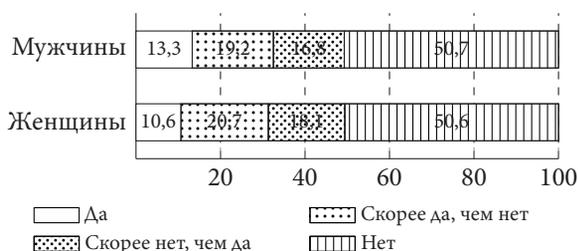

Рис. 1. Готовность участия в нацпроектах в зависимости от пола, в %

Fig. 1. Willingness to participate in national projects, depending on gender, in %

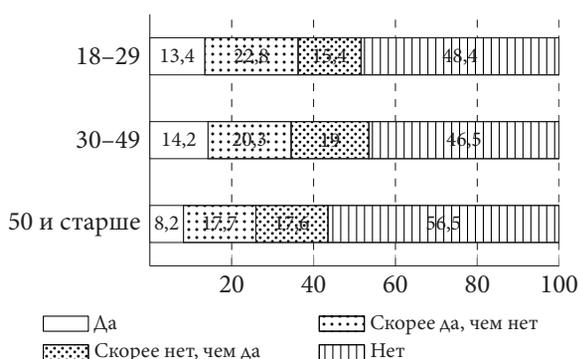

Рис. 2. Готовность участия в нацпроектах в зависимости от возраста, в %

Fig. 2. Willingness to participate in national projects, depending on age, in %

количество респондентов, готовых участвовать в программах реализации национальных проектов, снижается до 8,2%, а количество отказывающихся от участия возрастает до 56,5%.

Анализ готовности участвовать в нацпроектах в разрезе групп образования показал, что наибольшую готовность принять полное или частичное участие в реализации программ выражают люди с более высоким уровнем образования – магистратура, специалитет и бакалавриат (рис. 3). В меньшей степени демонстрируют свою готовность респонденты со средним общим и средним профессиональным образованием. Самой малочисленной группой, относительно полного или частичного участия, оказались респонденты с самым низким уровнем образования (основное общее и ниже), они же составили наибольшую долю отказавшихся.

В результате анализа стало очевидно, что образование является одним из ключевых факторов, определяющих готовность населения принять участие в национальных проектах. Просматривается устойчивая тенденция повышения уровня готовности респондентов участвовать в реализации национальных проектов с повышением уровня его образования.

Проанализировав готовность респондентов к участию в зависимости от их трудовой деятельности, мы пришли к заключению, что наибольшую готовность принять полное или частичное участие чаще выражают сотрудники силовых

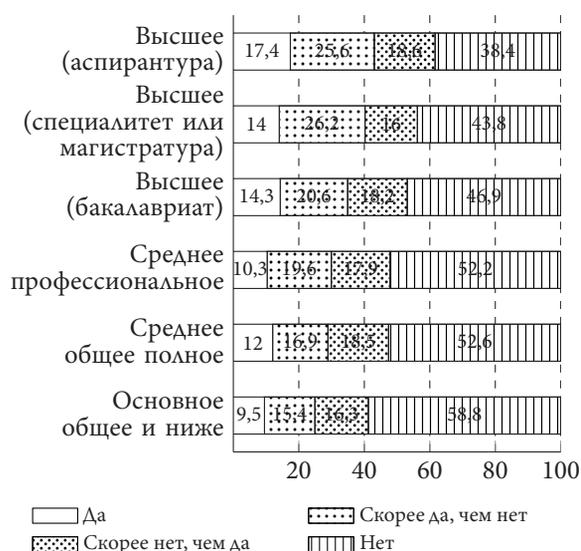

Рис. 3. Готовность участия в нацпроектах в зависимости от уровня образования респондента, в %

Fig. 3. Willingness to participate in national projects, depending on the respondent's level of education, in %

структур (военнослужащие, полиция, ФСБ и т.д.) – 26,0% и 19,5%, соответственно, от числа ответивших, за ними следует группа государственных и муниципальных служащих – 20,6% и 25,9%, значительная доля бизнесменов и предпринимателей – 17,0% и 21,5% – также готова к участию в реализации национальных проектов. Самой многочисленной группой не готовых участвовать в реализации национальных проектов оказались респонденты рабочих специальностей – 57,1%. Далее, на втором и третьем месте, следуют специалисты коммерческого сектора – 44,3% и бюджетной сферы – 43,0%. Таким образом, мы можем наблюдать связь между готовностью респондентов участвовать или не участвовать в реализации национальных проектов и характером их трудовой деятельности.

При этом анализ готовности респондентов к участию в реализации программ в региональном разрезе (рис. 5) показал, что и женщины, и мужчины любой возрастной группы, выражающие полное согласие принять участие в разработке стратегических программ, чаще являются жителями Московской области, Белгородской области и Республики Башкирия, в то время как отказавшиеся респонденты – жителями Омской и Вологодской областей. Респонденты развитых регионов (с более высоким уровнем социокультурной модернизации и современными технологиями налаживания обратной связи с населением) чаще выражают свою готовность принять участие в ре-

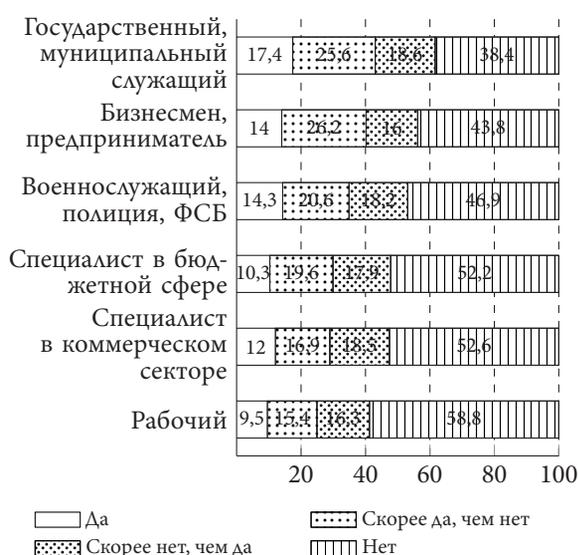

Рис. 4. Готовность участия в нацпроектах в зависимости от характера трудовой деятельности, в %
 Fig. 4. Willingness to participate in national projects, depending on the nature of the work activity, in %

ализации национальных проектов. Таким образом, прослеживается связь готовности респондентов принимать участие в реализации национальных проектов с регионом их проживания.

По мнению В. И. Демьяненко, подобная картина событий не способствует формированию субъектности, поскольку «само успешное региональное развитие может выступить причиной того, что заинтересованные стороны начинают взаимодействовать» [17, с. 128].

Опираясь на полученные результаты, мы можем сделать вывод, что пол респондента не играет принципиального значения, а возраст, образование и характер трудовой деятельности связаны со степенью проявленной готовности или неготовности принять участие в реализации национальных проектов. Чаще других готовность демонстрируют респонденты в возрасте от 30 до 49 лет с высшим образованием, работающие в силовых структурах или служащие в государственных или муниципальных органах власти.

Рис. 5. Готовность участия в нацпроектах в зависимости от региона проживания респондента, в %
 Fig. 5. Willingness to participate in national projects, depending on the respondent's region of residence, in %

Таблица 1 — Группировка недостатков системы управления на основе классификационных оснований
Table 1 — Grouping of management system deficiencies based on classification grounds

	Классификационное основание	Недостатки системы управления
1	Коррупция	Случаи использования ресурсов региона в групповых и личных интересах Изобретение схем, позволяющих чиновнику получать дополнительный доход (ренту)
2	Обман (манипуляция)	Несоответствие действий руководителей их публичным выступлениям Ориентация руководства не на прорывные проекты, а на имитацию активности
3	Клановость (кумовство)	Подбор руководящих кадров не по деловым качествам, а по личной преданности Склонность к превращению органов власти в «междусобойчик»
4	Формализм	Ориентация не на проблемы, а на отчетность
5	Непрозрачность (закрытость)	Всяческое уклонение администрации от контроля со стороны населения Отсутствие понятных населению стратегических целей и конкретных задач
6	Низкий профессионализм	Неполное соответствие компетенций руководителей решению «прорывного» типа задач
7	Излишняя бюрократия, консерватизм	Наличие лишних управленческих звеньев Удручающий консерватизм, уклонение от принятия новаторских решений
8	Неприемлемый управленческий стиль	Неприятие руководством каких-либо конструктивных инициатив снизу Силовое администрирование в ущерб творческой самоорганизации коллективов Увлечение органов власти западным опытом менеджмента

2. Обеспокоенность недостатками системы управления. На втором этапе исследования проверялась гипотеза о наличии связи между готовностью принять участие в нацпроектах и обеспокоенностью отдельными недостатками системы управления в регионе.

Принимая во внимание ряд классификационных оснований, мы осуществили группировку недостатков системы управления с учетом социокультурных особенностей. В таблице 1 сгруппированы недостатки управления по ключевым признакам: коррупция; обман (манипуляция); клановость (кумовство); формализм; непрозрачность (закрытость); низкий профессионализм; излишняя бюрократия, консерватизм; неприемлемый управленческий стиль.

Мы предположили, что у респондентов, которые не готовы принимать участие в национальных проектах, с одной стороны, будет наблюдаться более высокий уровень обеспокоенности проблемами системы управления, а с другой – отдельные управленческие проблемы будут вызывать большее беспокойство, чем у респондентов, готовых к сотрудничеству с органами власти.

В массовом опросе респондентам было предложено оценить отдельные недостатки по пятибалльной шкале, где «5» означает очень высокий уровень обеспокоенности, а «1», наоборот, очень низкий. Распределение полученных данных можно увидеть в таблице 2.

Таблица 2 — Средние оценки обеспокоенности жителей недостатками системы управления, пятибалльная шкала

Table 2 — Average estimates of residents' concern about the deficiencies in the management system, five-point scale

Недостатки системы управления	Оценка
Несоответствие действий руководителей их публичным выступлениям	3,68
Изобретение схем, позволяющих чиновнику получать дополнительный доход (ренту)	3,66
Случаи использования ресурсов региона в групповых и личных интересах	3,65
Ориентация руководства не на прорывные проекты, а на имитацию активности	3,64
Подбор руководящих кадров не по деловым качествам, а по личной преданности	3,64
Ориентация не на проблемы, а на отчетность	3,63
Склонность к превращению органов власти в «междусобойчик»	3,55
Всяческое уклонение администрации от контроля со стороны населения	3,51
Отсутствие понятных населению стратегических целей и конкретных задач	3,42
Неполное соответствие компетенций руководителей решению «прорывного» типа задач	3,41
Наличие лишних управленческих звеньев	3,40
Неприятие руководством каких-либо конструктивных инициатив снизу	3,36
Удручающий консерватизм, уклонение от принятия новаторских решений	3,35
Силовое администрирование в ущерб творческой самоорганизации коллективов	3,30
Увлечение органов власти западным опытом менеджмента	3,15

На региональном уровне обеспокоенность населения недостатками системы управления, препятствующими реализации национальных проектов, является одним из факторов, детерминирующим социальное территориальное неравенство.

Из таблицы 2 следует, что наименьшее беспокойство у жителей вызывает проблема приверженности органов власти западным тенденциям в управлении (3,1 – средний балл).

Среднюю обеспокоенность вызывают проблемы, связанные с силовым администрированием, консерватизмом, неприятием конструктивных инициатив снизу, наличием избыточных управленческих звеньев. Респонденты недовольны отсутствием понятных для них целей и задач, низкой компетентностью руководителей, предотвращением контроля со стороны населения и превращением работы органов власти в «междусобойчик» (от 3,3 до 3,5 балла).

Наибольшую обеспокоенность жители проявляют в отношении нечестного поведения чиновников. Это ориентация не на решение проблем, а на отчетность и имитацию активности, подбор сотрудников на основании кумовства, использование служебных ресурсов в личных целях, получение дополнительных источников дохода и, что самое главное, несоответствие действий руководителей их публичным заявлениям (от 3,6 до 3,7 балла).

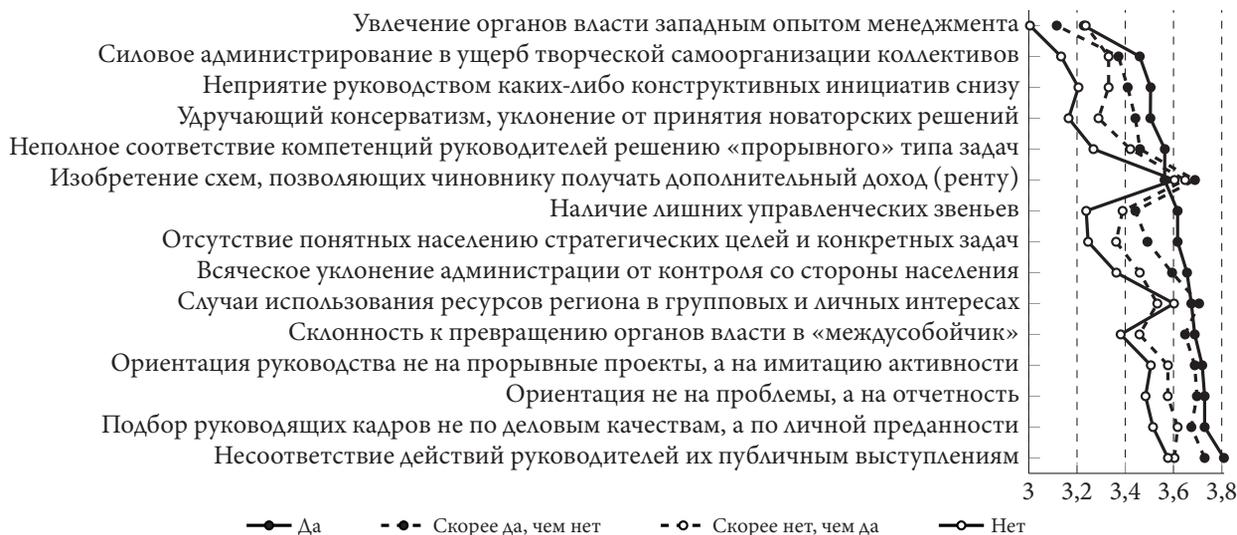
Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, современное население России имеет высокий запрос на социальную справедливость [16, с. 7] со стороны органов власти и управления. И, как следствие, ожидает от них более активного участия в жизни регионов [18, с. 51].

На следующем этапе исследования были получены средние оценки обеспокоенности недостатками системы управления для четырех групп респондентов, выразивших полное/частичное согласие или несогласие принять участие в национальных проектах.

Обращаясь к данным табл. 2, мы можем сделать вывод о том, что проблема «увлечения органов власти западным менеджментом» вызывает наименьшее беспокойство у тех, кто, скорее, не согласен или полностью согласен принять участие в разработке стратегических программ⁴.

Получение дополнительного дохода – проблема, наличие которой отметили практически все респонденты, независимо от степени согласия принять участие в программах. В то время как самый значительный, по мнению жителей, недостаток, заключающийся в несоответствии заявлений и действий органов власти, характерен для людей, желающих принять участие в разработке программ.

⁴ Была проведена проверка статистической значимости средних значений. Средние статистически значимо различаются (ANOVA), критерий Тамхейна, $p < 0,05$.

Рис. 6. Средние оценки жителей обеспокоенностью недостатками системы управления в условиях согласия (полного/частичного) и несогласия (полного/частичного) принять участие в разработке программы по улучшению работы системы управления, четырехбалльная шкала

Fig. 6. Average estimates of resident' concern about the deficiencies of the management system in terms of consent (full/partial) and disagreement (full / partial) to participate in the development of a program to improve the management system, four-point scale

Из данных рисунка 6 следует, что, чем выше обеспокоенность жителей недостатками системы управления, тем выше их готовность принять непосредственное участие в разработке управленческих решений. Таким образом, наше предположение о том, что респонденты, отказывающиеся принимать участие в реализации национальных проектов, будут проявлять большую обеспокоенность проблемами управления, не подтвердилось.

Главный вывод, который мы можем сделать, оперируя данными таблицы 2, заключается в том, что респонденты, демонстрирующие готовность участвовать в реализации национальных проектов, не выделяют и не акцентируют среди недостатков системы управления коррупционную составляющую, оценивая их наравне с недостатками обмана (манипуляции), клановости (кумовства), формализма, непрозрачности (закрытости), низкого профессионализма, излишней бюрократии, консерватизма, неприемлемости управленческого стиля. Респонденты, которые, скорее, согласны или не согласны принять участие в разработке стратегических программ, а также те, кто высказался против участия – в большей степени обеспокоены проблемами, связанными именно с коррупцией в органах власти. На графике отчетливо видны два всплеска напротив соответствующих позиций: 1) случаи использования ресурсов региона в групповых и личных интересах и 2) изобретение схем, позволяющих чиновнику получать дополнительный доход (ренту), которые объединены нами в одну категорию «коррупция» в таблице 1. Таким образом, для той части населения, которая не готова принять участие в национальных проектах, коррупционная составляющая является своеобразным триггером, отчасти объясняющим их выбор.

Наше предположение, что отдельные управленческие проблемы будут вызывать большее беспокойство у респондентов, не готовых к сотрудничеству с органами власти, подтвердилось, и такой проблемой стала коррупционная составляющая.

Результаты наблюдения отчасти подтверждают слова И. О. Шкаратана о социальной ситуации в стране в целом: «Для современных политических верхов России социальная политика нужна постольку, поскольку граждане, которым она адресована, не должны мешать реали-

зации собственных планов и интересов политических и экономических верхов страны» [3, с. 21].

Полученные данные заставили нас обратить внимание на то, какого рода недостатки системы управления больше всего беспокоят тех, кто не согласился принять участие в разработке стратегических программ в своем регионе. В таблице 3 представлены данные, указывающие на характер распределения ответов о волнующих недостатках управления данную группу респондентов.

В подтверждение полученных ранее данных мы видим (табл. 3), что наибольшую обеспокоенность у группы «не готовых принять участие» вызывают проблемы системы управления, связанные с коррупцией; обманом, манипуляцией (несоответствие действий руководителей их публичным выступлениям и ориентация руководства не на прорывные проекты, а на имитацию активности); клановостью (кумовством) (под-

Таблица 3 — Обеспокоенность жителей недостатками системы управления, средние оценки, пятибалльная шкала

Table 3 — Residents' concern about the deficiencies in the management system, average rating, five-point scale

Недостатки системы управления	Оценка
Случаи использования ресурсов региона в групповых и личных интересах	3,64
Изобретение схем, позволяющих чиновнику получать дополнительный доход (ренту)	3,64
Несоответствие действий руководителей их публичным выступлениям	3,61
Подбор руководящих кадров не по деловым качествам, а по личной преданности	3,55
Ориентация руководства не на прорывные проекты, а на имитацию активности	3,54
Ориентация не на проблемы, а на отчетность	3,52
Склонность к превращению органов власти в «междусобойчик»	3,42
Всяческое уклонение администрации от контроля со стороны населения	3,40
Неполное соответствие компетенций руководителей решению «прорывного» типа задач	3,31
Отсутствие понятных населению стратегических целей и конкретных задач	3,29
Наличие лишних управленческих звеньев	3,28
Неприятие руководством каких-либо конструктивных инициатив снизу	3,25
Удручающий консерватизм, уклонение от принятия новаторских решений	3,21
Силовое администрирование в ущерб творческой самоорганизации коллективов	3,18
Увлечение органов власти западным опытом менеджмента	3,05

бор руководящих кадров не по деловым качествам, а по личной преданности и склонность к превращению органов власти в «междусобойчик»); формализмом (ориентация не на проблемы, а на отчетность). В меньшей степени вызывают обеспокоенность недостатки, связанные с управленческим стилем, бюрократией, консерватизмом и низким уровнем профессионализма.

3. Удовлетворенность жизнью в регионе.

На третьем этапе перед нами стояла задача проверить наличие связи между готовностью респондентов включаться в деятельность органов власти в процессе реализации национальных проектов с отношением к региону (социальным самочувствием) участников опроса.

В анкете массового опроса респондентам предлагалось оценить, какие чувства они испытывают по отношению к своему региону («Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону, в котором проживаете?»). Взяв за основу распределения ответов на данный вопрос, было выделено две группы респондентов: не испытывающих удовлетворения от проживания в своем регионе, данная группа составила 30,8%; и довольных жизнью в регионе – 69,2%.

Высокая обеспокоенность коррупционной составляющей и низкая удовлетворенность от проживания в том или ином регионе связана с тем, что основные усилия органов власти направлены не на решение ряда актуальных социальных проблем, а на удержание собственной власти [19]. Чтобы проверить это предположение, мы снова обратились к данным массового опроса. В отличие от довольных жизнью, респонденты, не испытывающие удовлетворения от проживания в своем регионе, чаще разделяют мнение о том, что сохранение властных ресурсов является первостепенной задачей аппарата управления.

В результате наши данные подтвердили предположение о том, что низкая включенность населения в социальное пространство регионов зависит от ряда проблем, наиболее значимая из которых – коррупция в органах власти. Для того, чтобы оценить данный показатель в разрезе регионов, мы объединили соответствующие варианты ответов: использование государственных ресурсов в собственных целях и изобретение схем дополнительного дохода (табл. 4).

Таким образом, коррупция является фактором, детерминирующим социальное неравенство

Таблица 4 — Обеспокоенность жителей регионов наличием коррупционной составляющей в системе управления, средние оценки, пятибалльная шкала
Table 4 — Residents' concern about the presence of a corruption component in the management system, average rating, five-point scale

Регион	Оценка
Вологодская область	2,9549
Московская область	3,2872
Белгородская область	3,4989
Амурская область	3,5804
Брянская область	3,6345
Смоленская область	3,6378
Республика Саха (Якутия)	3,6534
Нижегородская область	3,7348
Республика Калмыкия	3,8411
Республика Башкортостан	3,8686
Свердловская область	3,9158
Омская область	4,1871

в регионах с высоким, средним и низким уровнем социокультурного развития. По нашим данным, наибольшее беспокойство испытывают жители Омской области. Чуть в меньшей степени данный показатель тревожит респондентов Свердловской области, Республик Башкортостан и Калмыкия.

В целом в 9 из 12 регионов наблюдается высокая обеспокоенность проблемами коррупции в органах власти. Реакция населения в регионах с уровнем развития «ниже среднего» (Вологодская область, Белгородская область) находится на среднем уровне.

Для того, чтобы выяснить, правомерно ли сравнивать между собой регионы по степени социального неравенства, был использован однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), критерий Таймхейна ($p < 0,05$). Анализ проводился для каждого коррупционного фактора в отдельности.

Так, например, оценивая обеспокоенность населения работой системы управления, в частности: использование ресурсов региона в групповых и личных интересах, мы можем сравнивать Московскую область со всеми регионами, за исключением Вологодской и Брянской областей. Схожая картина наблюдается, когда мы сравниваем средние значения обеспокоенности населения изобретением властными структурами схем дополнительного дохода – Московская область статистически различается со всеми ре-

гионами, кроме Вологодской и Амурской областей. В целом во всех группах сравнения обнаружена связь с высоко развитыми регионами – Московской либо Нижегородской областью.

При этом регионы с самым низким уровнем развития (Брянская область, Смоленская область, Республика Калмыкия) чаще всего оказывались сопоставимы с регионами высокого уровня социокультурной модернизации.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Эффективная реализация управленческих решений напрямую зависит от включенности в процесс не только органов управления, но и населения, от соучастия или противодействия которого зависит достигнутый результат. Наше исследование подтвердило, что такая готовность к сотрудничеству с органами власти при реализации национальных проектов (включенность в решение проблем) напрямую связана как с социально-демографическими характеристиками респондентов, такими как возраст, образование, трудовая деятельность, регион проживания, так и с тем, как оцениваются недостатки системы управления. В частности, нами была выявлена устойчивая связь между обеспокоенностью коррупционной составляющей органов управления и готовностью к сотрудничеству в рамках реализации национальных проектов.

Результаты исследования позволяют сделать следующий вывод – включенность населения в стратегическое развитие региона, действительно, может являться следствием его субъектности. Объединенные по ряду социально-демографических признаков респонденты, декларирующие отказ принимать участие в реализации национальных проектов, чаще выражают высокую обеспокоенность проблемами, связанными с коррупцией в органах власти и управления.

Таким образом, нами было предложено рассматривать включенность населения в социальное пространство регионов посредством участия в национальных проектах как один из факторов, детерминирующих социальное территориальное неравенство в регионах России.

Для того, чтобы дать оценку социального неравенства в 12 регионах Российской Федерации, был проведен анализ готовности принять участие в разработке программ по улучшению работы системы управления в разрезе: 1) социально-демографических характеристик респондентов (пол, возраст, образование, характер трудовой деятельности, регион проживания); 2) обеспокоенности недостатками системы управления; 3) удовлетворенности жизнью в регионе. Исходя из полученных нами данных, в зоне риска оказываются Омская и Свердловская области, население которых наиболее остро реагирует на коррупционную составляющую системы управления.

С помощью ряда классификационных оснований были обозначены ключевые проблемы регионального управления и выявлены те, на которые население реагирует наиболее остро – коррупция, обман (манипуляция), клановость (кумовство), непрозрачность (закрытость). И те, которые вызывают меньшую негативную реакцию – формализм, низкий профессионализм, излишняя бюрократия, консерватизм, неприемлемость управленческого стиля.

Удалось получить данные о том, какие управленческие проблемы вызывают наибольшее беспокойство у тех, кто выступает против участия в мероприятиях, посвященных реализации национальных проектов.

Основной вывод, к которому мы пришли, заключается в том, что высокая обеспокоенность проблемами коррупции и низкая удовлетворенность проживанием в том или ином регионе являются, с одной стороны, причинами того, что деятельность властных структур в большей степени направлена на сохранение собственных позиций, а не на решение актуальных проблем, с другой стороны, они способствуют снижению уровня готовности населения включаться в управленческие программы, направленные на реализацию национальных проектов.

Таким образом, коррупция в органах власти является ключевым фактором, детерминирующим социальные неравенства в регионах с высоким, средним и низким уровнем развития. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шилова В. А. Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств

в региональном разрезе // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4 (40). С. 96–112. DOI 10.19181/snsp.2022.10.4.9285. EDN TUPBBS.

2. **ДЕМЬЯНЕНКО В. И.** Управление социально-экономическими и социокультурными параметрами региональных неравенств в антропосоциетальной концепции // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки.* 2022. Т. 15, № 6. С. 142–160. DOI 10.17213/2075-2067-2022-6-142-160. EDN NJTXXV.

3. **ШКАРАТАН О. И.** Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // *Мир России. Социология. Этнология.* 2018. Т. 27, № 2. С. 6–35. DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35. EDN YWFIQX.

4. **ГУСЕЙНОВА К. Э.** Социальное пространство территорий как фактор регионального неравенства // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки.* 2022. Т. 15, № 6. С. 121–133. DOI 10.17213/2075-2067-2022-6-121-133. EDN PCRRXD.

5. **ВАХШТАЙН В.** Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // *Социологическое обозрение.* 2003. Т. 3, № 4. С. 104–118. EDN TRSDLB.

6. **ГОФМАН И.** Представление себя другим в повседневной жизни : Монография. Москва : Российская государственная библиотека, 2007. EDN QONBER.

7. **ГИДДЕНС Э.** Устроение общества. Очерк теории структуризации. Москва : Академический Проект, 2005. 528 с. EDN TNIRKP.

8. **МЕРЗЯКОВ А. А., БОГДАНОВ В. С.** Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России // *Вестник Института социологии.* 2022. Т. 13, № 4. С. 130–143. DOI 10.19181/vis.2022.13.4.853. EDN АТААЈУ.

9. **ТИХОНОВ А. В.** Социология управления : Монография. Канон+ : Москва, 2007. 472 с. EDN TVIOWP.

10. **МЕРЗЯКОВ А. А.** Концептуальные основания исследования субъектности населения // *Научный результат. Социология и управление.* 2021. Т. 7, № 4. С. 33–47. DOI 10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3. EDN AFSHKS.

11. **ТИХОНОВ А. В., БОГДАНОВ В. С., ГРЕЧАНАЯ А. А., ГУСЕЙНОВА К. Э., МЕРЗЯКОВ А. А., ПОЧЕСТНЕВ А. А., ПРОСЯНЮК Д. В., САВЕЛЬЕВ И. А., СМИРНОВА А. С., ЩЕРБИНА В. В.** Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации на-

циональных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования : Монография. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 455 с. EDN YNARHI.

12. **ЛАПИН Н. И., БЕЛЯЕВА А. А., БОЙКО И. И., КАСАВИНА Н. А., КОГАЙ Е. А., ПАСОВЕЦ Ю. М., ИЛЬИН В. А., ШАБУНОВА А. А., ЛАСТОЧКИНА М. А., ДУЛИНА Н. В., КАРГАПОЛОВА Е. В., ТАРАСОВ В. Т., ХАРИТОНОВА В. Г., ДАВЫДЕНКО В. А., РОМАШКИНА Г. Ф., ПЕЧЕРКИНА И. Ф., ПОЛОВИНКО В. С., НЕМИРОВСКИЙ В. Г., НЕМИРОВСКАЯ А. В.** Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы : Монография. Москва : Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с. EDN YRJCSX.

13. Регулирование межрегионального неравенства: от диагностики к моделированию : Монография / под ред. А. А. Мерзлякова. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023. 272 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-423-9.2023.

14. **ТИХОНОВА Н. Е., МАРЕЕВА С. В., АНИКИН В. А.** Общество неравных возможностей: социальная структура современной России : Коллективная монография. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. 422 с. DOI 10.55604/9785777708731. EDN XJGBFE.

15. **СЕДОВА Н. Н., ПЕТУХОВ В. В., МАРЕЕВА С. В.** Готово ли российское общество к модернизации? : Монография. Москва : Издательство «Весь Мир», 2010. 343 с. EDN PVCEAH.

16. **КОРЧАГИНА И. И., ПРОКОФЬЕВА Л. М.** Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости // *Демографическое обозрение.* 2022. Т. 9, № 4. С. 4–21. DOI 10.17323/demreview.v9i4.16742. EDN DOVOJS.

17. **ДЕМЬЯНЕНКО В. И.** Оценка субъектности участников взаимодействия по сокращению неравенства в российских регионах // *Научный результат. Социология и управление.* 2023. Т. 9, № 3. С. 123–137. DOI 10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-9. EDN WFYRNA.

18. **ЛЕЖНИНА Ю. П.** Представления россиян о необходимой социальной политике: между серединой 2000-х и коронакризисом 2020 года // *Социологические исследования.* 2021. № 4. С. 50–60. DOI 10.31857/S013216250014715-9. EDN UWIZGD.

19. **Богданов В. С.** Социальное неравенство как политико-управленческая проблема развития регионов России. Часть 2 // *Социологическая наука и социальная практика*. 2023. Т. 11, № 3 (43). С. 55–67. DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.3). EDN LPXZJG.

ская наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 3 (43). С. 55–67. DOI [10.19181/snsp.2023.11.3.3](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.3). EDN LPXZJG.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шилова Валентина Александровна – кандидат социологических наук; Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук — *ведущий научный сотрудник; заведующий лабораторией исследования проблем инфосоциальных технологий* (117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корп. 5); vshilova@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 76397, ORCID: 0000-0002-8899-2707.

Гусейнова Ксения Эльдаровна – Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук — *научный сотрудник* (117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35 корп. 5); likseidar@mail.ru. AuthorID РИНЦ: 897865, ORCID: 0000-0002-7957-7317.

Статья поступила 15.10.2023; рецензия получена 20.11.2023; принята к публикации 27.11.2023.

POPULATION INVOLVEMENT IN THE SOCIAL SPACE OF REGIONAL GOVERNANCE AS A FACTOR OF TERRITORIAL INEQUALITY

V. A. Shilova, K. E. Guseynova^a

^a Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. The article examines the population involvement in the national projects implementation as a factor determining social territorial inequality in the Russian regions. Each RF subject is analyzed as a separate social space, where the actors (participants) are the authorities and the population. The approaches of both domestic and foreign authors to understanding the essence of social space, its capabilities and limitations are considered.

Methodology and methods. The materials presented in the article were obtained as a result of the secondary conceptualization of the data of a mass survey conducted in 2019-21 in 12 regions of the Russian Federation under the RSF grant "Academic Project: Manageability of Social Grouping Processes in Regions with Different Levels of Socio-Cultural Modernization and Population Support for the Development Strategy of the Russian Federation until 2024". As the basis of the research methodology, a typology of regions was applied, in terms of their sociocultural modernization, developed at the Chinese Academy of Sciences and adapted by the CSSC RAS. The article considers the assessment of the the population involvement in national projects (as a factor of regional inequality): 1) in the context of the socio-demographic characteristics of respondents; 2) concerns about the shortcomings of the control system and 3) satisfaction with life in the region.

Results and conclusions. The study was conducted in 3 stages. At the first stage, socio-demographic characteristics were identified of social groups expressing a desire or unwillingness to take part in the strategic programs development. The relationship was revealed between readiness to participate and 1) age, 2) education, 3) the nature of work, 4) the level of socio-cultural development of the region where the respondent lives. At the second stage, the shortcomings of the control system were grouped based on mass polling data. Identifying the signs of the least and most concern in the population, the authors proceeded

to analyze the average estimates for the four identified groups, expressing full/partial agreement or disagreement to participate in national projects. As a result, a connection was established between the concern of residents regarding the shortcomings of the management system and the readiness to participate in national projects. At the same time, the greatest sensitivity is observed in assessing problems related to corruption in government bodies. At the third stage, data were confirmed on the existence of a link between the population concern caused by the corruption problems and low satisfaction from living in a particular region.

KEYWORDS: social inequality, social space, involvement, subject identity, regions, human capital, national projects.

FOR CITATION: Shilova, V. A., & Guseynova, K. E. (2023). Population involvement in the social space of regional governance as a factor of territorial inequality. *Management Issues*, 17(6), 84–98. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98>.

REFERENCES

1. SHILOVA, V. A. (2022). Key approaches to identifying and applying criteria for assessing territorial and socio-territorial inequalities in the regional context. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*, 10(4), 96–112. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9285>.
2. DEMYANENKO, V. I. (2022). Management of socio-economic and socio-cultural parameters of regional inequalities in the anthroposocietal concept. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(6), 142–160. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-142-160>.
3. SHKARATAN, O. I. (2018). Socio-economic inequality in the modern world and the emergence of new forms of social stratification in Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 27(2), 6–35. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35>.
4. GUSEINOVA, K. E. (2022). Social space of territories as a factor of regional inequality. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(6), 121–133. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-121-133>.
5. VAKHSHTAIN, V. (2003). Goffman's dramaturgical theory: Structuralist interpretation. *Russian Sociological Review*, 3(4), 104–118. <https://elibrary.ru/trsd1b>.
6. GOFFMAN, I. (2007). *Presenting yourself to others in everyday life*. Russian State Library. <https://elibrary.ru/qohber>.
7. GIDDENS, E. (2005). *The structure of society. Outline of the Theory of Structuration*. Academic Project. <https://elibrary.ru/tnirkp>.
8. MERZLYAKOV, A. A., & BOGDANOV, V. S. (2022). On the study of sociological and managerial aspects of the regulation of social inequalities in the regions of Russia. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13(4), 130–143. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.853>.
9. TIKHONOV, A. V. (2007). *Sociology of Management*. Moscow. <https://elibrary.ru/tviowp>.
10. MERZLYAKOV, A. A. (2021). Conceptual foundations for the study of the population subjectivity. *Research Result. Sociology and Management*, 7(4), 33–47. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3>.
11. TIKHONOV, A. V., BOGDANOV, V. S., GRECHANAYA, A. A., GUSEINOVA, K. E., MERZLYAKOV, A. A., POCHESNEV, A. A., PROSYANYUK, D. V., SAVELYEV, I. A., SMIRNOVA, A. S., & SHCHERBINA, V. V. (2021). *Reforming the power and management vertical in the context of the implementation of national projects and the intensification of spontaneous group formation processes*. Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. <https://elibrary.ru/ynarhi>.
12. LAPIN, N. I., BELYAEVA, L. A., BOYKO, I. I., KASAVINA, N. A., KOGAI, E. A., PASOVETS, YU. M., ILYIN, V. A., SHABUNOVA, A. A., LASTOCHKINA, M. A., DULINA, N. V., KARGAPOLOVA, E. V., TARASOV, V. T., KHARITONOVA, V. G., DAVYDENKO, V. A., ROMASHKINA, G. F., PECHERKINA, I. F., POLOVINKO, V. S., NEMIROVSKY, V. G., & NEMIROVSKAYA, A. V. (2016). *Atlas of modernization of Russia and its regions: Socioeconomic and sociocultural trends and problems*. Publishing house "The Whole World". <https://elibrary.ru/yrjcxj>.
13. MERZLYAKOV, A. A. (ED.). (2023). *Regulation of interregional inequality: From diagnostics to modeling*. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-423-9.2023>.
14. TIKHONOVA, N. E., MAREEVA, S. V., & ANIKIN, V. A. (2022). *Society of unequal opportunities: Social struc-*

ture of modern Russia. Publishing house "The Whole World". <https://doi.org/10.55604/9785777708731>.

15. SEDOVA, N. N., PETUKHOV, V. V., & MAREEVA, S. V. (2010). *Is Russian society ready for modernization?*. Publishing house "The Whole World". <https://elibrary.ru/pvceah>.

16. KORCHAGINA, I. I., & PROKOFIEVA, L. M. (2022). Subjective perception of social inequality – the population opinion about social justice. *Demographic Review*, 9(4), 4–21. <https://doi.org/10.17323/demreviewv9i4.16742>.

17. DEMYANENKO, V. I. (2023). Assessing the subjectivity of participants in interaction to reduce in-

equality in Russian regions. *Research Result. Sociology and Management*, 9(3), 123–137. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-3-0-9>.

18. LEZHNIINA, YU. P. (2021). Russians' views on the necessary social policy: Between mid 2000-ies and the corona crisis of 2020. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 50–60. <https://doi.org/10.31857/S013216250014715-9>.

19. BOGDANOV, V. S. (2023). Social inequality as a political and managerial issue in the development of Russian regions. Part 2. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naiia Praktika*, 11(3), 55–67. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.3>.

AUTHORS' INFORMATION:

Valentina A. Shilova – Ph.D. of Sociological Sciences; Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — *leading researcher; head of the Laboratory for Research of Infosocial Technologies Problems* (24/35, build. 5, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia); vshilova@yandex.ru. RSCI AuthorID: 76397, ORCID: 0000-0002-8899-2707.

Kseniya E. Guseynova – Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences — *researcher* (24/35, build. 5, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia); likseidar@mail.ru. RSCI AuthorID: 897865, ORCID: 0000-0002-7957-7317.

The article was submitted 10/15/2023; reviewed 11/20/2023; accepted for publication 11/27/2023.